

КИТАЙСКАЯ ДИАСПОРА АФРИКИ: ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

Статья 1

© 2020 О. ФИТУНИ

DOI: 10.31857/S032150750009875-4

ФИТУНИ Ольга Леонидовна, н.с. Центра изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки, Институт Африки РАН (o-l-fit@yandex.ru)

Аннотация. В публикуемой серии из двух статей автор анализирует эволюцию китайской диаспоры в Африке, ее возникновение, изменения ее характера, численность и структуру, взаимодействие с принимающими социумами, влияние на экономическое развитие, политическую и общественно-культурную жизнь стран Африки.

В первой статье автор определяет категориальный аппарат, раскрывает дифференцированный подход властей Китая к отдельным контингентам китайской диаспоры и различия в их правовом статусе, излагает историю пространственного распространения китайской диаспоры на континенте, выделяет этапы ее развития.

Ключевые слова: Африка, китайская диаспора, хуацяо, история, колониальная политика, экономика, международные отношения

CHINESE DIASPORA IN AFRICA: SPATIAL EVOLUTION AND STAGES OF DEVELOPMENT. Part 1

Olga L. FITUNI, Research Fellow, Centre for the Study of the Russian-African Relations and African States' Foreign Policy, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (o-l-fit@yandex.ru)

Abstract. In the following series of two articles the author provides a concentrated analysis of the evolution of the Chinese diaspora in Africa. The series cover the origins and the emergence of the diasporic communities, their evolution through the history, changes in their character and size, transformations of structure and alterations in geographical distribution over the continent.

On the basis of the undertaken analysis the author assesses the potential of the diaspora's influence on host societies, as well as the impact it produces upon historical and economic development, political and socio-cultural life in the host nations, as well as on the bilateral relations of the latter with the homeland. As a result of the analysis, the author arrives to the conclusion that although at different stages of history, the quantitative parameters the diaspora have indeed to varying degrees influenced some aspects of Africa's socio-economic life, they have never played the role of the main determinant of such influence.

The numbers of the Chinese in any one country in Africa have never approached the level beyond which they have could have influenced the politics and economy of African States by virtue of the diaspora's size alone. On the contrary, the analysis of recent trends indicates a tendency towards an increase of such influence due not to quantitative, but rather qualitative changes in the characteristics of the diaspora, in particular, in the context of the emerging global influence of their Chinese homeland.

The first article in the series explains the categories used in the research, the size and the spread of overseas Chinese in Africa. It exposes the nuances in approaches of the Chinese and Taiwanese authorities to individual contingents of the Chinese diaspora and the differences in their legal status. The paper reveals the history of spatial distribution of Chinese diaspora communities over the African continent, and exposes the evolution and the stages of development of the Chinese diaspora in Africa.

Keywords: Africa, Chinese Diaspora, Overseas Chinese, history, colonial politics, economics, international relations, international influence

Последние полтора десятка лет стали периодом беспрецедентного укрепления экономического, политического и гуманитарно-культурного влияния КНР в мире, причем, по всеобщему признанию, мощная поступь Китая особенно зрима на весьма удаленном от Поднебесной Африканском континенте [см.: 1]. Изучению причин, условий, факторов и последствий многовекторного укрепления глобальных позиций самой населенной страны планеты посвящено большое количество отечественных и зарубежных исследований и публикаций.

Многие из этих работ подчеркивают значение поддержки, а чаще всего прямого вклада в эти достижения мировой китайской диаспоры. Власти

и в КНР, и на Тайване давно осознали важность системной работы с соотечественниками за рубежом, создали стройный и довольно эффективный механизм взаимодействия с ними, позволяющий использовать их экономический, внешнеполитический и культурный и пропагандистский потенциал для развития и возвышения Отечества, защиты и продвижения интересов Китая в разных частях света.

ХУАЦЯО, ХУАЖЭНЬ И ДРУГИЕ

Историко-цивилизационное представление китайцев о Китае как о Центральном (Серединном) государстве по умолчанию подразумевает наличие единого «китайского мира», в котором

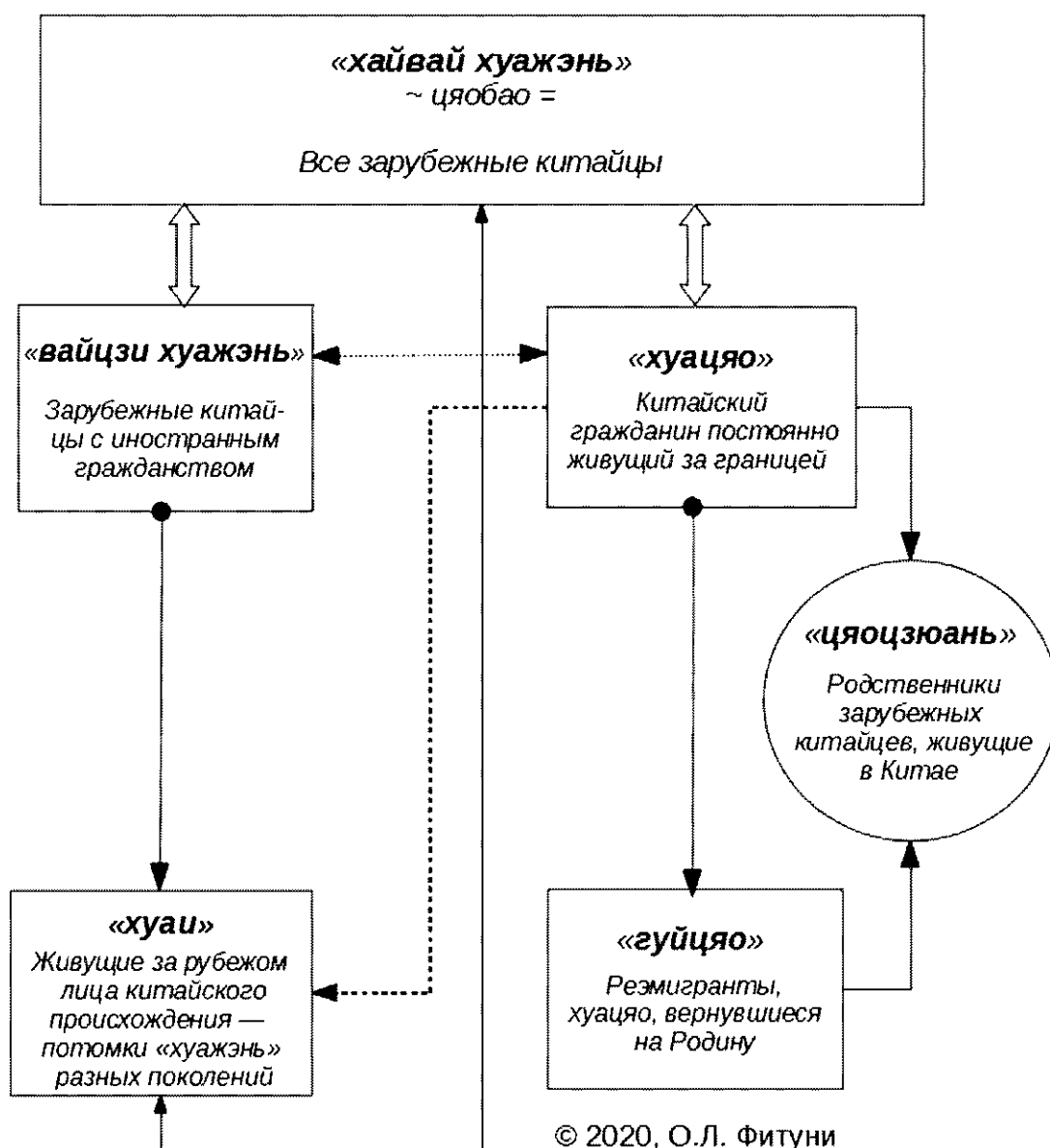

Схема 1. Категории контингентов китайской диаспоры (используемая терминология и взаимосвязи групп).

Примечание. Топологическая схема связей составлена автором на базе дефиниций, содержащихся в действующем законодательстве КНР. Более плотные линии обозначают более тесную взаимосвязь. Стрелки указывают на источники и результаты взаимосвязей.

часть членов живут и трудятся на Родине¹, а другая часть («хайвай хуажэнь» - зарубежные китайцы) - за пределами страны, но также по мере сил заботятся о благе отечества, согласно морально-этическому завету предков: «раньше всех горевать над горем Поднебесной, после всех наслаждаться

ее радостями»². Этот принцип личной и коллективной ответственности является ключевым и экзистенциально важным в конструкции китайской диаспоральной идентичности.

Живущие за границей китайцы, с точки зрения законодательств КНР и Тайваня, распадаются

¹ С точки зрения современной политической географии, это и КНР, включая САР Гонконг (Сянган) с САР Макао (Аомэнь), и Тайвань (прим. авт.).

² Крылатая фраза из «Записок о Юэянской башне» (1045 г.) Фань Чжунъяня, одного из отцов неоконфуцианства, принадлежащего к кругу наиболее почитаемых китайцами мыслителей-учителей наряду с Конфуцием и Мэн-цзы. Её смысл - первым встречая трудности своей страны и последним получая блага от нее (прим. авт.).

ся на две большие группы: на имеющих китайское гражданство *«хуацяо»*³ и не имеющих его *«вайцзи хуажэнь»*, часто именуемых просто *«хуажэнь»* [2]. Многообразие терминов - не просто свидетельство лексического богатства китайского языка.

В рамках политики укрепления связей и мобилизации потенциала зарубежной диаспоры и в КНР, и на Тайване создана изолированная и весьма эффективная система экономического, политического и морального стимулирования зарубежных китайцев к активному сотрудничеству. Интересы и самих *хуацяо*, и решивших вернуться на родину реэмигрантов *«гуйцяо»*, и родственников эмигрантов и реэмигрантов *«цяоцзюань»* защищены ст. 50 Конституции КНР.

Работа с зарубежными китайцами встроена в систему государственного управления и, в соответствии с высказыванием председателя КНР Си Цзиньпина, *«не важно, какой длины тень от дерева, его корни остаются в земле»* [4, с. 8], не ограничивается стопроцентными китайцами. В поле внимания находятся также *«хуаи»* (дословно «люди китайского происхождения» - потомки от китайского корня). Этот термин покрывает как живущих за рубежом этнически чистых китайцев (вне зависимости от их гражданства), так и метизированных потомков китайцев, чьи предки некогда оказались в чужой стране, натурализовались в ней, и от местных супругов и партнеров произвели на свет потомство, по разным причинам вспомнившее (или не забывавшее) о принадлежности к китайской нации.

Такой «возврат этнической памяти» сейчас весьма актуален и привел к росту числа *хуаи* в Мозамбике, Зимбабве, Танзании.

С подъемом Китая быть заморским китайцем для граждан некоторых африканских стран оказалось и удобно, и выгодно. Их влекут созданные со времен Дэн Сяопина (на практике - с 1980-х гг.) многочисленные стимулы и льготы для зарубежных китайцев: от особых экономических и налоговых режимов до облегченного порядка поступления в учебные заведения, уменьшения платы за высшее образование. Правда, абсолютное большинство подобных стимулов действуют именно в отношении *хуацяо*, а не других категорий зарубежных китайцев. Сходная система заботы о зарубежных соотечественниках существует и на Тайване.

Наглядное представление о терминологических различиях в наименовании различных отрядов и групп мировой китайской диаспоры самими китайскими властями дает обобщенная схема на *схеме*. 1. Она же может рассматриваться в качест-

ве топологической карты, показывающей характер взаимосвязей между отдельными отрядами зарубежных китайцев.

СКОЛЬКО В АФРИКЕ КИТАЙЦЕВ?

Определение количественного состава китайской диаспоры в мире и в Африке, в частности, затруднено причинами, общими для всех мировых диаспор, однако имеются и трудности специфичные для Китая и стран Африканского континента.

Проблемы начинаются с разного понимания того, что именно следует считать диаспорой, каковы будут критерии отнесения или не отнесения к ней конкретных людей, даже если они представляют один и тот же этнос. Должно ли при этом учитываться мнение по этому вопросу самого представителя данной группы людей? Например, оправдано ли отнесение к китайской диаспоре в стране ее гражданина, этнического китайца, никак не ассоциирующего себя с бывшей Родиной?

Видимо, однозначных ответов не будет. Как следствие, неизбежны и разные итоги оценки численности диаспор.

Любая диаспора - человеческая общность с подвижными границами. Несмотря даже на устоявшиеся масштабы, она не может ежедневно не меняться количественно в результате объективных демографических процессов - естественного прироста и смертности ее членов. На численность диаспоры в решающей степени влияет интенсивность миграционного оттока и притока в страну и из нее. В какие-то периоды она может быть довольно устойчивой, но, порой, заставляет сняться с насиженного места огромные диаспоральные массы или, наоборот, заставляет диаспоры вбирать в себя многие тысячи новых членов.

Помимо этих демографических, этических или правовых вопросов, существует еще и масса технических проблем, затрудняющих подсчеты количественного состава китайских диаспор в странах Африки.

Очень многие из мигрантов находятся в стране пребывания в нарушение местного законодательства. Другие, даже находящиеся в стране легально, не хотят лишний раз регистрироваться из-за нежелания попасть в поле зрения контролирующих органов или просто местного общества: платить налоги, оказаться жертвой каких-то неприятных житейских или политических инцидентов и т.д. Древняя мудрость любой диаспоры: «веди дела тихо и все будет спориться» - известна и африканским китайцам.

Иначе говоря, достоверность цифр по странам и по Африке, в целом, может обоснованно оспари-

³ В российской литературе и, особенно в журналистике, термин *«хуацяо»* зачастую не вполне корректно применяют ко всем китайцам за рубежом. Однако, с юридической точки зрения, *хуацяо* - это исключительно граждане КНР, имеющие постоянный вид на жительство в другом государстве и прожившие там в общей сложности не менее 18 месяцев на протяжении 2 лет или не менее 30 месяцев - на протяжении 5 лет [2]. На Тайване в 2018 г. термин *«хуацяо»* (китайцы-эмигранты) в официальном использовании был заменен на более нейтральное - *«цяоминь»* (эмигранты) [3].

Таблица

**Распределение китайского этноса (тыс. чел.) вне КНР, Гонконга, Макао и Тайваня
по континентам и макрорегионам мира (2000-2018 гг.)**

Регион	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018
Весь мир, в т.ч.:	35045	38381	39568	43300	44620	47490	48690
Азия	27363	29437	29815	31280	32030	33910	34260
Америка	5959	6970	7255	8340	8670	9300	9530
Европа	955	1022	1317	1960	2150	2250	2250
Австралия и Океания	631	797	945	1190	1210	1450	1540
Африка	137	155	236	530	570	580	1110

Составлено автором по: [6; 7].

ваться даже в том случае, когда они напечатаны в изданиях Комитета ВСНП по делам хуацяо, Канцелярии Госсовета по делам хуацяо, Всекитайской ассоциации реэмигрантов, в статистических ежегодниках Тайваньского совета по делам соотечественников и т.д., хотя именно данные этих изданий считаются наиболее достоверными. Собственные оценки, нередко отклоняющиеся от официоза, дают в своих трудах китайские и зарубежные исследователи. Появляются цифры и в СМИ, но правильность этих данных уже полностью на совести авторов. Все это приводит к тому, что разброс в статистических оценках численности китайской диаспоры в Африке необыкновенно высок.

Величина расхождения в целом по континенту составляя почти 1 млн человек. Минимальная суммарная оценка числа всех категорий китайцев, проживающих в Африке сегодня равна 900 тыс. человек, максимальная - 2 млн. Правда, по-видимому, лежит все же ближе к нижней границе. Наиболее близким к реальности на середину 2019 г. большинство специалистов считают диапазон от 1,1 до 1,3 млн человек [5]. Это делает *хайвай хуажэнь* в Африке самым малочисленным контингентом зарубежных китайцев в сравнении с китайскими диаспорами в других частях света. Даже в Австралии и Океании суммарная численность этнических китайцев превосходит африканскую. В то же время темпы прироста диаспоры в африканском регионе - одни из самых высоких (см. табл.).

В основе табл. 1 лежат данные, содержащиеся в официальном статистическом ежегоднике Тайваньского совета по делам соотечественников. В целом, по вопросам оценки общей численности хуацяо за рубежом, в т.ч. в Африке, по обе стороны Тайваньского пролива особых разногласий нет. Однако вопрос о том, с какой стороны последнего прибыли зарубежные китайцы на новую родину для них важен.

Тайбэй, не имеющий сегодня дипотношений с большинством африканских стран, внимательно следит, чтобы в тех существовало как можно больше ассоциаций, клубов и даже НКО, созданных китайцами именно тайваньского происхождения или зависящих от Острова финансово, административно, технически. Он щедро поддерживает эти структуры деньгами, создает культурные центры и языковые курсы, в которые допускаются все желающие (включая местных африканцев). И для хуацяо, и для африканцев предусмотрена отработанная и хорошо фондированная программа государственных, корпоративных и благотворительных стипендий для обучения в вузах Тайваня.

Возвращаясь к приведенным выше цифрам количественной оценки китайской диаспоры в Африке и степени их достоверности, обратим внимание на необычно значительные резкие годовые скачки в численности *хайвай хуажэнь* в Африке: в 2013 г. - на 48,8% и в 2018 г. - на 91%. Реально ли, чтобы китайское население Африки увеличилось бы почти вдвое всего за 12 месяцев? Если да, в чем причина такого прироста?

Автор попыталась провести юстировку имеющихся цифр по общеафриканской и по страновым китайским диаспорам в Африке на основе кросс-проверки данных различных первоисточников и повторной верификации результатов с использованием статистико-математических методов. Эти усилия, в конечном итоге, дали сходные с приведенными выше суммарные цифры общеафриканской китайской диаспоры - 1,2 млн [5].

Согласно расчетам автора, на сегодняшний день постратное распределение китайской диаспоры в Африке выглядит следующим образом. Наибольшая численность этнических китайцев - в ЮАР, где их более 300 тыс. На 2-м месте Ангола - порядка 280 тыс., большая часть которых - *хуацяо*, длительно живущие в стране и работающие на возводимых КНР объектах.

Крупные диаспоры - от 60 тыс. до 70 тыс. (по убыванию численности) - в Гане, Нигерии, Мадагаскаре. Несколько меньшие (30-40 тыс.) - в Эфиопии, Алжире, Кении, Мозамбике, Танзании, на Реюньоне. Диаспоры от 10 тыс. до 25 тыс. человек проживают на Маврикии, в ДРК, Египте, Замбии, Зимбабве, Республике Конго, Уганде, Экв. Гвинее, Намибии, Гвинее. От 5 до 10 тыс. - численность китайских диаспор Камеруна и Ботсваны.

Большая группа африканских стран (Мавритания, Малави, Марокко Джибути, Сейшелы, Судан, Чад, Того, Кабо-Верде, британский о-в Св. Елены, Бенин, Либерия, Сьерра-Леоне) имеет сравнительно малочисленные китайские диаспоры численностью от 1 тыс. до 2 тыс. человек, а в Бурунди, Эритрея, Гамбия, ЦАР и на Коморах даже менее 1 тыс. [детальные данные по странам см.: 5].

Во всех перечисленных выше случаях под «численностью» понимается округленная оценочное значение числа «хайвай хуажэнь» как граждан данной страны китайского происхождения, так и граждан КНР (включая Сянган и Аомэнь), Тайваня, а также этнических китайских иммигрантов - граждан других государств (например, перебравшихся в Африку этнических китайцев с паспортами Сингапура, Малайзии, Вьетнама). В случае Южного Судана и Джибути цифры включают китайских военнослужащих, размещенных в этих странах. По ряду стран (Буркина Фасо, Габон, Сенегал, Гвинея-Бисау, Зап. Сахара, Кот-д'Ивуар, Сан-Томе и Принсипи, Сомали, Тунис, Эсватини) имеющиеся оценки слишком противоречивы. Из Ливии в 2011 г. практически вся китайская диаспора была эвакуирована из-за гражданской войны и бомбардировок НАТО в процессе «арабской весны».

Приведенные цифры характеризуют абсолютную численность диаспор, однако, на наш взгляд, более важным является показатель удельного веса диаспоры в общей численности населения. С этой точки зрения присутствие китайского этноса наиболее заметно в Анголе (с учетом командированных в страну на длительный срок китайских контрактников до 9%), Гане (3-4%), на Реюньоне и Мадагаскаре (по 4%), на Маврикии (3-5%), Сейшелах (2-3%), в британской заморской территории О-ва Св.Елены, Вознесения и Тристан-да-Кунья - почти четверть населения (с учетом *хуаи*). Напомним, что речь идет не только о китайцах-гражданах страны расселения, но обо всех этнических китайцах, длительно живущих в них.

Что касается резких взлетов числа *хуацяо* в определенные годы, то, не претендуя на исчерпывающее объяснение феномена, можно отметить следующее.

На интенсивность притока влияют как очевидно предсказуемые процессы, так и множество плохо просчитываемых наперед событий. Разверты-

вание, например, в Анголе или Гане, крупного и долгосрочного инфраструктурного проекта, предусматривающего привлечение многотысячного контингента китайских специалистов и рабочих, почти наверняка приведет через 18 месяцев к увеличению, по официальной статистике КНР, числа *хуацяо* (см. правовое определение выше - примечание³) в этой стране на сравнимую величину.

С другой стороны, такое заранее трудно прогнозируемое событие, как бомбежки Ливии странами НАТО в 2011 г., привело к тому, что КНР была вынуждена в течение недель эвакуировать почти все 40 тыс. китайцев, проживавших в это время в Джамахирии, т.е. практически «обнулить» всю диаспору.

В целом же, если обратиться к истории, окажется, что приток и отток китайских мигрантов никогда не был равномерным. Даже распространенный дескриптор миграции - термин «волна» - не в полной мере отражает динамику и масштабы ее отдельных этапов.

Китайские диаспоры в Африке на протяжении последних нескольких веков возникали и росли *взрывообразно*, хотя, конечно, многократно уступали масштабам миграции в соседние с Поднебесной азиатские страны. При этом происходившие «миграционные взрывы», за исключением последних десятилетий, были в решающей степени следствием влияния внешних по отношению к Китаю и китайцам сил. На самых ранних этапах европейцы просто силой переселяли китайских «*кэли*» в Африку, завозя их туда десятками тысяч.

РАННИЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ ДИАСПОРЫ

В истории развития китайской диаспоры в Африке достаточно четко выделяются 4 этапа. Первые 3 из них, заложившие основы для формирования и развития «старых» диаспоральных сообществ, были прямым результатом сначала колониальной политики европейских держав, потом беспрецедентного ослабления Поднебесной и ее полуколониального состояния вплоть до возникновения КНР, а позднее поддерживаемого Западом противостояния Тайваня Пекину.

Хотя, согласно китайской историографии, имеются сведения о товарообмене между Египтом - времен царствования Птолемея и Китаем - эпохи династии Хань (206 г. до н.э. - 220 г. н.э.), а также о посещении китайскими мореплавателями островов и восточного побережья Африки в XV в., официально задокументированная история существования постоянных китайских сообществ на землях Африки начинается примерно с середины XVII в.

С этих пор можно отсчитывать 1-й, колониальный этап формирования диаспор, связанный с принудительным переселением этнических китайцев в африканские колонии Голландии, Британии, Франции и Португалии для использова-

ния в качестве рабочей силы в выстраиваемых ими колониальных типах экономик.

Первые упоминания о коллективном переселении колонизаторами китайцев в Африку относятся к 1660-м гг. Именно тогда голландская Ост-индская компания завезла в Африку китайцев из Батавии (современная Индонезия) на лесозаготовки для нужд городского и фортификационного строительства в ее колонии на Мысе Доброй Надежды, так как испытывала трудности с использованием для этих работ представителей автохтонного африканского населения. До последней трети XIX в. численность китайских поселенцев в Южной Африке то возрастала, то уменьшалась, составляя максимально несколько сотен человек, но, как считается, уже не снижалась ниже 100 человек.

На Маврикии и Реюньоне первыми оказались похищенные французами китайцы с Суматры, которых заставили работать на сахарных плантациях. Это произошло в 1770-х гг. Однако, в отличие от Капской колонии, уже 10-20 годами позже на Маскаренские острова в поисках лучшей жизни по собственной воле устремились тысячи жителей южного Китая, создав на Маврикии и Реюньоне первые в Африке прообразы «чайнатаунов» и замкнув на китайскую диаспору отдельные «нишевые» виды хозяйственной деятельности - сначала кузнечное ремесло, сапожное, портняжное и плотничье дело, а чуть позже значительную часть торговли. Со временем в большей части этих ниш, за исключением торговли, стали доминировать выходцы из Малайи, с полуострова Индостан и Цейлона.

Новая волна притока китайцев обозначилась с окончанием Опиумных войн (1-я - 1840-1842 гг., и 2-я - 1856-1860 гг.), началом длительного периода ослабления Китая и гражданской смуты. От еще недавно могущественной Цинской империи Запад потребовал либерализации внешней торговли, открытия европейским державам доступа к внутреннему рынку страны, легализации импорта опиума, открытию и передачи ряда портов под контроль европейцев. Поток продаваемого британцами в Китай опиума, весьма значительный еще до войны, еще больше увеличился, что привело к гигантскому распространению наркомании среди китайцев, упадку экономики, деградации и массовому вымиранию китайского населения. Британия получила власть над Гонконгом.

Что было особенно важно для последующего формирования китайской диаспоры в Африке, согласно Пекинскому договору 1860 г., проигравшая Империя Цин не только выплачивала Англии и Франции огромные контрибуции, открывала города и порты для иностранной торговой экспансии, но и вводила, в соответствии со ст. 5 этого договора, «свободу движения» трудовых ресурсов, т.е. попросту разрешала использовать китайцев в качестве рабской рабочей силы в колониях

Великобритании и Франции на условиях, определяемых странами-победительницами.

ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ ВОЛНЫ ИММИГРАЦИИ

С этого времени условно начинается новый (2-й) этап развития китайской диаспоры в Африке, продлившийся примерно до 1940-х гг.

1860-е - 1870-е гг. - период т.н. «добровольной» миграции китайцев в британскую Южную Африку, где в Кимберли и Витватерсранде были обнаружены месторождения алмазов и золота, но ощущалась острая нехватка рабочих рук. Как и за пару веков до этого, использовать там привезенных из-за тысячи миль китайцев оказалось выгоднее, чем местное африканское население.

Основная масса трудовых мигрантов прибывала из района Кантона (Гуандун). Очень большую часть «добровольных» мигрантов составляли проживавшие в Кантоне представители китайского субэтнуса *хакка* (*кэцзя*), активно покидавшие родные места в результате поражения в войне (1855-1867 гг.) с коренным местным населением Кантона - *пунти* (*бэньди*).

Многие из *хакка* не сразу попадали на Африканский континент: часть мигрантов какое-то время трудились в общинах соотечественников в Малайе, Индии, на Тайване, Маврикии, Реюньоне, где имелись многочисленные диаспоральные сообщества этого субэтнуса. Лишь затем они перебিরались на территорию современных ЮАР, Зимбабве, Мозамбика, Лесото и Замбии. Маврикий оставался до начала второй англо-бурской войны (1899 г.) главным перевалочным пунктом китайской миграции в Африку. Между 1888 и 1898 гг. из Порт-Луи выехали, в основном, в Дурбан и Порт-Элизабет около 1800 китайцев [8, pp. 36-37].

Вторая Англо-бурская война (1899-1902 гг.) замедлила перемещение китайцев на континент, но с ее окончанием потребность в рабочих руках в британской Южной Африке резко возросла. Лондон стремился как можно скорее «отбить» затраты на захват бурских республик, а британский бизнес - повысить доходность своих вложений в разработку вновь обретенных природных богатств края. Белых работников не хватало, а с африканской рабочей силой по-прежнему были проблемы как с точки зрения ее квалификации, так и готовности к изматывающему труду в штольнях.

Между 1904 и 1910 гг. на шахты Витватерсранда в рамках специально принятого для этого законодательства было завезено более 63 тыс. китайских контрактников, в основном из провинций Чжили (совр. Хэбэй), Шаньдун и Хэнань. Эти рабочие, формально лично свободные, на деле оказались в Британской колонии на положении рабов, столь сильно они были ограничены в самых естественных правах и столь мизерную плату они получали за свой труд [8].

Они сыграли значительную роль в том, что экономика британских владений на Юге Африки не только быстро восстановилась, но и обрела зримую мощь и относительную самодостаточность. Это позволило созданному в 1910 г. Южно-Африканскому Союзу (ЮАС) обрести административно-правовой статус доминиона, а с принятием в 1931 г. Вестминстерского статута стать независимым государством в составе британского Содружества наций.

С конца Первой мировой войны, по мере укрепления и диверсификации экономики ЮАС, роста потенциала трудовых ресурсов африканского происхождения, острота потребности в китайских контрактниках сильно снизилась. К тому же в обществе (как среди белого, так и среди чернокожего населения) обострялась неприязнь к китайской диаспоре. В результате этих процессов большая часть привезенных *кули* была, по мере истечения контрактов, в принудительном порядке выселена за пределы ЮАС. В самом Китае к этому времени в результате Синьхайской революции (1911/12 гг.) пал императорский режим и нарастали центробежные силы.

К началу 1920-х гг. число китайцев в ЮАС снизилось до примерно 2 тыс. человек. В стране, прежде всего в районе Кейптауна и Йоханнесбурга, оставались достаточно многочисленные компактные группы этнических китайцев и потомков от смешанных браков, получивших право на жительство и работу, а порой и гражданство ЮАС. Однако основная масса нынешних «коренных» южноафриканских китайцев происходит все-таки не от них. Это - потомки иммигрантов «третьей волны» (условно 1940-е - 1980-е гг.).

Что касается других стран Африки, в конце XIX - начале XX вв. китайские диаспоры численностью от нескольких десятков до одной-двух сотен человек существовали еще в Германской Восточной Африке, на Занзибаре, а также в Египте (в основном в Каире, Александрии и Порт-Саиде). В остальных европейских владениях количество этнических китайцев, по сохранившимся на сегодняшний день сведениям, исчислялось единицами, максимум дюжиной.

Третий этап китайской иммиграции в Африку начался в конце 1930-х - 1940-х гг. Именно в этот период появились небольшие китайские сообщества в Кении, Гане, Сенегале, Нигерии. Однако общая численность китайской диаспоры в Африке к началу Второй мировой войны вряд ли превышала 15-20 тыс. человек.

С провозглашением в 1949 г. КНР и бегством руководства Гоминьдана на Тайвань происходит краткосрочный взрывной рост числа китайских эмигрантов с материка. Однако с 1950-х гг. африканская диаспора начинает расти, в основном, за счет выходцев из Тайваня, Гонконга и перебравшихся в Африку этнических китайцев из других стран мира (в частности, Индокитая, Индонезии, Малайи). Выезд из континентального Китая

полностью не прекращался никогда, но количественно был существенно ниже.

Тайбэй попытался перенаправить на себя политическую поддержку и экономический потенциал мировой китайской диаспоры. В 1952 г. VII съезд Гоминьдана провозгласил обязательство «защищать права и интересы китайцев во всех странах, координировать деятельность зарубежных китайских организаций, содействовать образованию и развитию культуры в духе китайской традиции, создавать на Тайване условия для обучения зарубежной китайской молодежи, поощрять капиталовложения зарубежной китайской буржуазии на острове» [9, с. 487].

В 1950-е - 1960-е гг. из получивших независимость стран Юго-Восточной Азии, где новые правительства начали проводить политику индигенизации, стали вытесняться значительные массы местных этнических китайцев, часть из которых переселились в еще сохранявшиеся на Африканском континенте английские и французские колонии, а часть - в те отныне независимые страны, где имелись сложившиеся диаспоры, или туда, где их еще не было, но царило, по крайней мере, нейтральное отношение к китайскому бизнесу.

Именно в этот период вновь стала быстро расти диаспора в ЮАР, обеих Родезиях, на Занзибаре. Сложились небольшие диаспоры в Гане, Нигерии, Сьерра-Леоне, БСК, Сенегале, Кении и еще в нескольких странах. По официальным тайваньским оценкам, численность зарубежных китайцев в Африке в 1955 г. составляла 33 тыс. человек, а к 1960 г. достигла 40 тыс. [6].

В 1960-е и часть 1970-х гг. большая часть африканских государств имела дипломатические отношения с Тайбэем. Тайвань рассматривал поддержание влияния в Африке как важный элемент своей легитимизации, признания его правительства в качестве единственного законного и сохранения за собой места в Совете Безопасности ООН. В этой связи на этнических китайцев тайваньского происхождения или других, готовых считать режим Чан Кайши истинным правительством Китая, делалась большая ставка.

Не стоит списывать со счетов и то, что именно на этот этап приходится период «тайваньского экономического чуда». Быстро растущему тайваньскому капитализму требовались сырье и новые рынки сбыта. В этот период интенсифицировались экономические (в основном торговые-инвестиционные, а в случае с ЮАР и научно-технические) связи Тайбэя со странами Африки. Протайваньские диаспоры в этой связи рассматривались и на деле являлись важнейшими посредниками в двухсторонних отношениях. Власти острова создали достаточно совершенную систему интеграции различных культурных, экономических и иных ассоциаций соотечественников в схемы решения стратегических и тактических задач Тайваня в Африке, противопоставляя свою приверженность исконным

общекитайским традициям пролетарскому интернационализму КНР.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП

Стройное многоэтажное здание работы Тайваня с африканскими китайцами оказалось «обезлюдившим», по историческим меркам, в одночасье. В начале 1970-х гг. США решили использовать китайский фактор для окончательного изменения баланса сил в противостоянии с СССР и начали постепенно налаживать отношения с Пекином.

В 1971 г. «Китайская Республика» (Тайвань) лишилась членства в ООН, а ее место заняла КНР. На протяжении ряда лет шел процесс разрыва дипломатических отношений африканских стран с Тайбэем и официального признания Пекина, открытия внешнеполитических представительств КНР на континенте. К этому времени китайская диаспора в Африке вплотную приблизилась к 60 тыс. человек. За 10 лет она выросла на треть, но суммарно в начале 1970-х гг. была меньше современной численности китайцев в одной лишь Нигерии.

Для большинства африканских китайцев, однако, экономические возможности и льготы по получению их детьми качественного образования на Тайване были важнее политических моментов. Несмотря на то, что страны их пребывания уже наладили дипломатические отношения и даже некоторый товарообмен с КНР, многие диаспоры все еще ориентировались на поддержку и сотруд-

ничество с Тайбэем. Настоящий поворот в настоящее «старых» диаспор в сторону Пекина начал происходить лишь в 1980-х гг., когда КНР уже уверенно пошла по пути «реформ и открытости», а ее экономические связи со странами Африки существенно углубились и диверсифицировались.

Именно 1980-е гг. знаменовали наступление современного, 4-го этапа развития китайских диаспор в странах Африки. Основной чертой, отличающей его от всех предыдущих, стала массовая «новая» миграция китайцев на континент, которая формирует и новую структуру страновых диаспор, и их экономическую роль там, и влияние на местные социумы.

В количественном отношении нынешняя волна миграции в Африку беспрецедентна. В ее начале численность всей китайской диаспоры составляла порядка 80 тыс. человек (1980 г.). Примерно через 15 лет она выросла вдвое. Новое удвоение произошло через 8 лет, следующее - менее чем через пять. 10 лет назад прогнозировалось, что отметка в 1 млн африканских *хуажэнь* будет пройдена в 2032 г., на самом деле это произошло на 15 лет раньше (рассчитано автором по: [10]).

Таким образом, самая очевидная специфическая характеристика новой диаспоры - беспрецедентно высокая динамика ее разрастания. Другие, качественные характеристики, роднящие ее с предыдущими этапами и стадиями развития или отличающие от них, связаны с ее структурой и векторами развития.

(Окончание следует)

Список литературы / References

1. Дейч Т.Л. Китай «завоевывает» Африку. М., 2014. (Deych T.L. 2014. China "conquers" Africa. M.) (In Russ.)
2. 国务院侨务办公室关于印发《关于界定华侨外籍华人归侨侨眷身份的规定》的通知. (PRC State Council Overseas Chinese Affairs Office's Notice on issuing "Regulations on defining the status of Chinese emigrants, foreign citizens of Chinese origin, re-emigrants and emigrants' dependents"). <https://zh.wikisource.org/zh-hans/国务院侨务办公室关于印发《关于界定华侨外籍华人归侨侨眷身份的规定》的通知> (accessed 27.02.2020)
3. 台湾侨委会把《华侨》改为《侨民》在美国台湾人社区引发强烈反响. (Taiwan Overseas Community Affairs Council's changing term "huaqiao" for "qiaomin" induces a strong reaction in American Taiwanese communities). <http://www.rfi.fr/cn/中国/20180407-台湾侨委会把华侨改为侨民在美国台湾人社区引发强烈反响> (accessed 27.02.2020)
4. 习近平谈治国理政. (Xi Jinping. The Governance of China. Peking: Foreign Languages Press. 2014. V. 1)
5. Фитуни О.Л. К вопросу об исторической и современной численности китайской диаспоры в Африке и методологии ее количественного исследования. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2020. № 1. С. 14-24. (Fituni O.L. 2020. To the Issue of the Historical and Contemporary Size of the Chinese Diaspora in Africa and the Methodology of its Quantitative Research. *Journal of the Institute for African Studies*. № 1) (In Russ.)
6. 中華民國 98 年僑務統計年報. (Republic of China. Annual Report on Overseas Chinese Affairs for the Year 98 of Minguo. Taipei. 2009)
7. 中華民國 107 年僑務統計年報. (Republic of China - Taiwan. Statistical Yearbook of the Overseas Community Affairs Council. Report for the Year 107 of Minguo. Taipei. 2019)
8. Yap Melanie, Leong Man Dianne. 1996. Colour, Confusion, and Concessions: The History of the Chinese in South Africa. Hong Kong University Press.
9. Сергеева А.А. Политика руководства Тайваня в отношении зарубежных соотечественников. *Общество и государство в Китае*. М., 2015. Т. 45. № 2. С. 486-498. (Sergeeva A.A. 2015. ROC government policy towards Overseas Chinese. *Society and State in China*. V. 45. № 2) (In Russ.)
10. 2013. Routledge Handbook of the Chinese Diaspora. Tan Chee-Beng (ed.). New York.